
Нужно пить воздух просек и улиц —
Это сладко-тревожное месиво!
Даже сами берёзы волнуются,
Ароматные лампы развесили.
Пахнет свежей пыльцой, тонкой лужицей,
и еще не рождёнными травами.
И луна — золотистая умница —
листья новые учит правилам:
Как расти, расцветать и радовать.
А весна раздаётся вширь...
И от воздуха в горле пламенно...
И становится сердце большим...

Обрастают яблони серебром...
Сладок дождь расслабленный с молоком.
Холодок расплавленный по спине...
В тине неизвестности, в пелене...

С детства так знакомые кирпичи...
Ты прижми к ним голову и молчи.
Пусть чуть дышат яблони, а гроза
Вся стекает каплями мне в глаза.

Продираясь сквозь сосны,
Встаёт солнце похужее на хризантему.
Сосны скорлупно потрескивают от удовольствия.
Сороки с суетливым восторгом
объясняются в любви.
А в старом доме, на подоконнике,
с упоением растёт рассада,
поскрипывает тугими стебельками
о комочки земли.

Алтай

Расцвели белокурые реки,
И цветёт рыжим мох по камням,
Но закрыл неподъёмные веки
Хан Алтай — брат небесным огням.
В камень скованы все его дети
И сокрыты от пущей беды.
Станным золотом в сердце им светит
Юный краешек вечной луны.
Много лет их твердыням, но выше,
Упираясь ногами им в груди,
Пробираются в звёздные ниши
Безрассудные мягкие люди.

У меня в карманах живут мандарины,
У тебя в карманах живут сигареты.
Мы с тобой выпрямляем спины,
Выбираем маршрут под ветер.

Мы по улицам трудно бродим,
Ты целуешь меня, но что же —
нет ни радости, ни тревоги,
Ни заветной в коленях дрожи.

Старинная песня

Что-то ночи слишком длинны...
Говорили в старину:
в январе на шаг куриный
приближает день весну.

Снег громаден, небо полно
синим светом и без дна.
Словно барышня в короне,
ходит бледная луна.

Ничего не утешает —
ни гитара, ни вино:
как давно не заезжали
к нам военные в село!..

Томно светятся окошки.
Льют на блюдца жёлтый воск...
Раскраснелись, как матрёшки,
Не хватает грёз и слёз.

Что-то ночи слишком длинны...
Говорили в старину:
в январе на шаг куриный
приближает день весну.

С гордым шумом качаются сосны,
Шелестят над болотом осины.
В небе чисто, прозрачно и пусто.
Тропки выгнули рыжие спины.
Тихо так, что услышать можно,
Как на мягких невидимых лапах,
Торопливо и осторожно,
Подбирается вечер косматый...

С кустов пушистого подлеска
опали листья. И полынь
с морозом первым пахнет резко...
Не стало праздничного блеска,
А с крыш валит чуть душный дым.

Как после чудного Покрова
приходит рано темнота...
И как по-новому сурово
из льдистых луж глядит зима.

Я устала от рассыпчатых
рассказов Набокова.
Набочинки застряли по углам...
В фиолетовых фиалках с жёлтыми петельками
в глубине,
в бабочках, запутавшихся в узорах ковра,
в изменчивом блеске трельяжа...
А с чеканки на стене
всю мою жизнь выплывает на гребне волны
золотая рыбка.
И жалкий старик всё не может поймать и тянет
жилистые руки.

Весна

Если смотреть на мир
сквозь лопнувшее стекло троллейбуса,
то окажется, что мир тоже лопнул.
И в этой трещине началось бесконечное
солнечное движение.
Всё набухает светом...
Оболочки лопаются одна за другой
и трудно дышать.

Осень

Какое солнце листопадное сегодня!
Лимонное, на фоне тёмных туч,
так некрасиво скомканных на небе.
Рассвет. И жгуч рассветный воздух. Я такая
влюблённая, что, кажется, сама,
как лист осенний, опадаю
и таю маслом сливочным. Прекрасно!
И даже эта неопределённость
сейчас мне нравится. Пурпурные рябины
оклёвывают птицы. Карамелью
лучи застыли солнечные в речке.
И сладкая осенняя брусника,
как зелье ведьмино, меня преобразует.

С тополей и лохматых клёнов
дождь смолистых скорлупок летит.
В океан этот светло-зелёный
погружается небо-кит.
Я придавлена нежным брюхом
и распластана на земле...
Только сердце большое бухает
сразу в небе, в земле, во мне...

В последний день весны
немного страшно...

Уж лето наступает, а оно
так пролетает в солнечных ромашках —
как жаворонок.

Счастье решено,
ведь ночи короткие, теплы и пышнозвёздны,
и на три месяца всего лишь жизнь дана.

И мы, как в детстве, верим
в то, что грозы
все наши беды смоят без следа.